

Елена Арсеньева

ДА,
МАТИЛЬДА!

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *С. Власова*

Работа с фотографиями *С. Костецкого*

В оформлении переплета использован
рисунок *Анри Тулуз-Лотрека*
«Танцовщица, поправляющая трико» (1890)

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Да, Матильда! : [роман] / Елена Арсеньева. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.:
ил. — (Долгожданное кино. Детективы Елены
Арсеньевой).

ISBN 978-5-04-089484-0

Первой из российских балерин она научилась крутить тридцать два фуэте, первой вскружила голову наследнику престола — и так основательно, что и столетие спустя мы не перестаем ревновать к ней и завидовать ей, как будто верим, что наша горячая ревность способна обратить историю вспять. Но что мы на самом деле знаем о ней, такой соблазнительной и такой простодушной, такой уверенной в себе и такой по-эмигрантски несчастной, такой преданной и без меры оболганной?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089484-0

© Арсеньева Е.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Дети растут,
Мужья стареют,
Одни мы — красавицы.
Прописная
женская
истина

Париж, наши дни

В жизни иногда случаются такие совпадения, что просто не верится в их правдоподобие. В том смысле, что тебе приходилось, конечно, наступать на одни и те же грабли, но когда на них снова и снова наступает твоя судьба — это уже как-то чересчур.

Судьба совершила такую оплошность в городе Париже, на рю де Валанс, в доме номер девять, где находится русская библиотека имени Тургенева. Писательница Алена Дмитриева (а наша героиня именно писательница, не бог весть какая знаменитая, но и не из последних) отнесла в библиотеку свои новые детективы, которые специально для этого привезла из России (все-таки здорово, когда тебя читают во Франции, пусть даже читатели — русские), положила в сумку давно разыскиваемую книгу «Воспоминания об М.К.», простилась с милы-

ми, пусть и несколько замшелыми дамами-библиотечаршами, вышла на площадку и ткнула пальцем в кнопку лифта, чтобы спуститься.

Кто-то, пожалуй, сочтет это смешным — как никак библиотека на первом этаже. Но, как известно, первый этаж в заграничных домах соответствует нашему второму, а то, что мы называем первым, иначе говоря, самый нижний, во Франции именуют *rez-de-chaussée* — «на уровне мостовой». Конечно, спуститься этажом ниже нетрудно, но уж больно крутой и неудобной была винтовая лестница. Вдобавок на ней никогда не горел свет. В довершение всего с этой лестницей у писательницы Дмитриевой были связаны не самые приятные воспоминания.

Алена нажала на кнопку вызова лифта раз, другой и третий, рассеянно прислушиваясь к раздраженным мужским голосам в соседней с библиотекой квартире (русская библиотека обитала в самом обычном жилом доме). Старый усталый лифт не отозвался, и, вздохнув, наша героиня двинулась вниз. Спускалась она согнувшись, чтобы лучше видеть полустертые ступеньки. Осторожно нащупывала их ногами, цепляясь за стеночку и перила, и даже успела откровенно порадоваться, что ее, дерзкую красотку, отъявленную сердцеедку, завзятую авантюристку, страстную обожательницу аргентинского танго (лучшего в мире танца!), никто не видит в такой унижительной и, прямо скажем, старушечьей позе.

Вдруг наверху раздался грохот распахнувшейся двери, злобный голос что-то крикнул на непо-

нятном языке, а потом по лестнице с шумом прокатилось чье-то тяжелое тело, сбило с ног Алену и вместе с ней свалилось на площадку нижнего этажа. Вот тут-то наша писательница и подумала о невероятных совпадениях и граблях, на которые гораздо наступать наша судьба.

Штука в том, что Алену с этой винтовой библиотечной лестницы уже сталкивали!¹ Тогда она только чудом не переломала колени, хотя натерпелась боли и даже какое-то время носила жутко неудобную шину, из-за которой вынуждена была передвигаться в точности как колченогий и обаятельный Жоффрей де Пейрак из серии французских фильмов про Анжелику. Правда, в прошлый раз Алену столкнули нарочно, а сейчас нечаянно. И сегодня ей больше повезло: она не ткнулась коленями в каменный пол, а свалилась на того, кто ее сбил, так что и колени, и голова, и локти, и прочие части писательского тела остались невредимы. Кроме того, в первый раз ее столкнула женщина, а сейчас мужчина. Однако ни та, ни другой и не подумали попросить прощения!

Этот мужчина вроде тоже не пострадал, если судить по скорости, с которой он подскочил, стряхнув с себя Алену, словно какую-то докучливую муху, и вылетел на улицу. Все, что успела заметить Алена, — это его красная футболка. А еще до нее долетел сильный запах парфюма, настолько приторно-сладкого, что он больше подошел бы

---

¹ Читайте об этом в романе Елены Арсеньевой «На все четыре стороны».

женщине, чем такому широкоплечему и вполне маскулинному мужчине.

— Ну и ну! — ошеломленно выдохнула она, поднимаясь и собирая в сумку выпавшие мелочи дамской жизни, как то: библиотечную книжку, очки (мартышка в возрасте слаба глазами стала), блокнот и ручку (какой же писатель без блокнота и ручки?), мобильный телефон, косметичку, кошелек и брелок со связкой ключей от квартиры Мориса и Марины Детур, лучших Алениных друзей, у которых она жила в Париже.

На всякий случай она включила фонарик в телефоне и посветила вокруг, чтобы ничего из разлетевшегося имущества не упустить. И пожалуйста — в дальнем углу под лестницей что-то блеснуло. Пришлось лезть туда и доставать небольшой ключ — очень простая головка в виде плоского кольца, стальной гладкий стержень и чрезвычайно затейливая борода.

Алена только начала выбираться из-под лестницы, как вдруг наверху снова загрохотала дверь, потом послышались торопливые шаги, вернее, прыжки по ступенькам, и мимо нее промчался мужчина в черной рубашке. Этот выскочил на улицу так же стремительно, как и первый. Кроме черной рубашки Алена успела разглядеть его коротко стриженную темноволосую голову, а больше ничего.

Наша героиня только-только выбралась из-под лестницы, как этот мужчина снова ворвался в подъезд. На лице его была ярость. Набывчившись, он сверкнул на Алену глазами и помчался наверх.

Дверь этажом выше предсказуемо грохнула — на сей раз закрылась.

Алена взглянула в зеркальце, убедилась, что ее сияющая внешность в небольшой катастрофе не пострадала, и пошла к двери, гадая, что делать с найденным ключом. На стене висели в ряд почтовые ящики с табличками и фамилиями жильцов. Подумав, Алена опустила ключик в ящик библиотеки. Милые дамы станут проверять почту, найдут ключ и сами решат, как с ним поступить. Алена Дмитриева сделала свое дело — кто может, пусть сделает лучше.

Она вышла из подъезда и приостановилась, размышляя, какой дорогой вернуться домой.

Вариантов было три. Самый простой — повернуть направо, под виадук, выйти на проспект Гобелен и там сесть на метро — Алена отвергла сразу: хотелось прогуляться по любимому городу пешком. Она решила пойти через бульвар Араго, бульвар Монпарнас, бульвар Распай, улицу Вожирар до Люксембургского сада, а потом совершить променад по бульвару Сен-Мишель, набережным Сены и авеню Опера.

Предвкушая это удовольствие, она повернула за угол и чуть не столкнулась нос к носу с человеком в красной футболке. За ним тянулся шлейф такого сладкого аромата, что наша героиня мигом узнала и футболку, и того, кто сбил ее с лестницы и даже не подумал принести извинения.

Алена повернула назад и пошла за ним. Может, хотела выбить это извинение у него силой. Может...

Она не успела понять, зачем это делает. Зато успела увидеть, как человек в красной футболке за-

мер, не дойдя до двери подъезда, странно крутнулся вокруг своей оси, а потом вытянулся и рухнул навзничь, тяжело стукнувшись головой о каменный бордюр тротуара. Руки и ноги его нелепо задергались.

Конечно, Алена Дмитриева в жизни пережила немало приключений, но все-таки осталась обыкновенной слабой женщиной, а потому ее поразил самый натуральный столбняк. Мгновенно вокруг собрались испуганные прохожие, а из подъезда выскочил человек в черной рубашке, склонился над лежащим и принялся искать его пульс то на горле, то на запястье, то почему-то на животе.

Собравшиеся французы куда-то суетливо звонили, наверное, вызывали «Скорую», и, кажется, никто, кроме Алены, не замечал, что человек в черной рубашке не столько щупает пульс, сколько обшаривает карманы этого, с приторным парфюмом, лежащего на земле.

Стоило Алене об этом подумать, как темноволосяй поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза. Что-то настороженное и даже угрожающее мелькнуло в его взгляде... Алена отпрянула за угол — и ринулась наутек со всей скоростью, на какую только была способна. Более или менее она успокоилась только около Люксембургского сада, в этом невыносимо прекрасном уголке Парижа.

Какое счастье снова оказаться в этом городе! А завтра она поедет в Бургундию! И в сумке лежит книжка, прочесть которую она так давно мечтала!

Мужчины в красных футболках и черных рубашках были благополучно забыты.

Да, Матильда!

«Из воспоминаний об М.К.»

Мы познакомились с М.К. в декабре 1939 года в вагоне поезда, которым ехали из Парижа в Ле Везине. Впрочем, я заметила ее еще в метро по пути на вокзал и постаралась попасть в тот же вагон, а потом села на жесткое деревянное сиденье напротив. Она не обратила на меня внимания — сразу задремала, опустив на глаза поля мягкой шляпы, скрывая свое усталое лицо и слипающиеся глаза. Путь из Ле Везине до Парижа и обратно сделался теперь утомительным. Жители этого уютного пригорода прежде ездили в столицу на собственных автомобилях. Однако времена настали тяжелые, бензин сделался баснословно дорог, и хотя поезда постоянно опаздывали, в вагонах было холодно, а на платформах и улицах в ту непривычно студеную зиму наметало сугробы, приходилось пользоваться тем единственным транспортом, который был нам доступен.

Выбирать не приходилось — шла так называемая *drôle de guerre*, «странная война». Моя приятельница Нина Кривошеина называла ее «чуждой войной». Вообще-то слово *drôle* можно перевести как «смешная», но это время никто, даже Чарли Чаплин, не назвал бы смешным. Гитлеровцы стояли на границах Франции, иногда шли небольшие бои, правительство надеялось невесть на что, а в это время фашисты отменно подготовились к вторжению.

В Париже стало мрачно. В городе света погасли огни реклам, уличные фонари были зачехлены. Патрули по ночам проверяли светомаскировку.

Все было переведено на военное положение; то и дело гудели сирены, приучая население к разным сигналам тревоги. Почти прекратилось движение автобусов, да и поезда метро стали ходить реже. Власти предупредили, что следует ожидать военных налетов и бомбардировок удушливыми газами. Советовали купить в магазинах полосы синей бумаги и заклеить крест-накрест окна, чтобы не вылетели, а главное — обзавестись противогазными масками. Купить их было непросто, еще труднее оказалось научиться ими пользоваться. Без движения дышать в них было возможно, а при ходьбе все задыхались. Домашних животных советовали сажать в ведра и покрывать мокрыми тряпками. Вообще же населению было рекомендовано покинуть столицу, именно поэтому число жителей в пригородах, вот и в нашем Ле Везине, так резко возросло.

Не могу сказать, что здесь было совершенно спокойно. Иногда на рассвете гудели сирены, все быстро одевались и спускались в погреба, где просиживали часами. Бомбы не падали, и после отбоя все снова шли досыпать. Постепенно к тревогам привыкли.

Вообще беспечные французы привыкали к «странной войне» слишком быстро и надеялись, что этими тревогами все ограничится. Ох уж эти галльские петухи, помахивающие крыльями и готовые заклевать бронированную машину рейха! Они еще ничего не теряли, они не пережили крушение

империи, как мы, русские, не так давно лишившиеся родины.

Очень многие из моих соотечественников почувствовали неладное, ждали беды и пытались обезопасить себя как могли. Дамы вроде меня, которые раньше предавались безделью, рассчитывая на сбережения мужа, или на накопления в банке, или на вывезенные из России и еще не до конца распроданные драгоценности, вдруг засуетились и бросились искать работу, пусть даже самую непрезентабельную, лишь бы хоть как-то укрепить бюджет и получить дополнительные талоны на питание. Мне повезло устроиться счетоводом при одном русском модном доме, который еще действовал. Да, разорились знаменитые «Ирфе», «Ланвен», канул в Лету «Китмир» великой княгини Марии Павловны-младшей, а скромный дом белья Ольги Александровны Хитрово если и не процветал, то по крайней мере держался на плаву¹.

В «Хитрово» обшивали многих наших бывших соотечественниц, ценивших недорогое и удобное белье, и именно там я несколько дней назад увидела особу, которая сейчас сидела напротив. Эта изящная, не слишком красивая и уже весьма немолодая дама, светлейшая княгиня Матильда Романовская-Красинская², была известна в нашем эмигрантском мире не меньше Феликса и Ирины Юсуповых. Супруги, правда, пользовались более

¹ Модный дом «Хитрово» закрылся только в 1953 году.

² Этот титул Матильда Кшесинская получила в 1936 году.

скандальной славой как убийцы Распутина (да-да, в нашей среде поговаривали, что именно Ирина заманила его в тот роковой вечер во дворец на Мойке, где ее супруг и расправился с этим демоном в образе человеческого) и принадлежали к царской семье; ну а М.К. была любовницей последнего императора во времена, когда он был совсем молод, а она служила балериной Императорских театров.

Об этом знали все, вся Россия когда-то об этом судачила, однако вот странность — чем дальше уходят в прошлое те события, тем упорнее облик императора Николая Александровича приобретает ореол если не святости, то уж, конечно, полной безгрешности.

Спору нет, мученическая кончина государя, государыни и невинных детей (царство им небесное, несчастным, и вечная память) словно бы смыла с их имен сальное пятно — говорю о слепом доверии Распутину, так много им повредившем. Никто не сомневался, что эта смерть очистила и освятила их. Теперь императору прощали и ужасную давку на Ходынке, и то, что они с императрицей отправились на бал к французскому послу, ведь иначе завяли бы розы, специально выписанные из Парижа, — поехали, несмотря на то, что торжества по случаю коронации стоили жизни почти полутора тысячам человек, а чуть не тысяча остались покалеченными. Бывшему императору простили поражение в русско-японской войне, простили 9 января 1905 года, за которое его прозвали Кровавым. Простили упорное нежелание содействовать прогрессу, страх перед

интеллигенцией, позорное отречение на станции Дно... За мученическую смерть ему простили все, забыв, что он был при жизни не святым, а обыкновенным человеком со многими недостатками, который упивался собственной простотой и предал, да да, предал традиции венценосного рода Романовых.

Помню, как меня в самое сердце поразило безволие императора. Это ведь он, Николай, оставил Россию без царя, которому поклонялся, в которого верил народ — и без которого этот народ совершенно обезумел. Я убеждена, что, как это ни печально звучит, Николай Романов сам вырыл яму себе и своей семье. Словом, положила руку на сердце, я совсем не готова была разделить возмущение наших ханжей, шепчущих, что в далекой юности М.К. была его любовницей.

Напротив, меня это чрезвычайно интриговало!

Конечно, тогда, в России, я была всего лишь двенадцатилетней девочкой, которой посчастливилось попасть на последний бенефис М.К., когда она танцевала в Мариинском из «Лебединого озера» — ту самую сцену, в которой Одетта медленно удаляется, изящно трепеща руками, словно прощается; и это в самом деле было ее прощальное выступление. Мне, восхищенной, казалось, что я далека от нее, как от сияющей ночной звезды, и это действительно было так.

Однако сейчас мы обе были эмигрантками, обе снимали дома в Ле Везине, потому что опасались оставаться в холодном, нетопленном Париже — мы ездили туда только на работу. Я, как и было сказа-